

9 МАЯ - ДЕНЬ ПОБЕДЫ

СЫН СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Тридцатые годы в жизни нашей страны по наполненности нельзя сравнить ни с каким другим периодом. Эйфория во всем: кино, литература (особенно поэзия), песни буквально заполонили журналы, не умолкали на радио, на сценах клубов и дворцов, на полях стадионов. Физкультурные парады, костюмированные инсценировки, спортивные встречи...

Прошу понять меня правильно. Я не хочу сказать, что жизнь наша в то время была цветущей и безоблачной. Нет, жили тяжело, но движение и преобразования во всех сферах жизни обнадеживали, окрыляли. Хотя, быть может, была и обманная показуха.

Необычайно поднялся в те годы авторитет и влияние наших Вооруженных Сил. Особенной любовью пользовались пограничники, танкисты и, без всякого сомнения, летчики. Наиболее ярко это проявлялось после полетов пилотов-спасателей «Челюскина» и присвоения им звания первых Героев Советского Союза; полетов В. Коккинаки, В. Чкалова, Г. Байдукова, А. Белякова, В. Гризодубовой, П. Осипенко, М. Расковой. Это были кумиры, герои, образцы для подражания. А когда вышел фильм «Трактористы» с Николаем Крючковым (Клим Ярко) - во всей Красной Армии пограничникам по популярности не было равных. Густым валом повалила добровольная молодость в конники, парашютисты, летчики. В военкоматах, училищах отбоя не было от желающих скакать, прыгать, летать. Это была добровольная мобилизация в Красную Армию.

Подхваченный общим порывом, повет-

рием заскользил в летный техникум и мой дядя Алексей Иванович Балаболин. Взялся рьяно. К учебе он относился ответственно и прилежно. Спуску в освоении наук себе не давал.

Учился он в Свердловске. Поэтому на выходные часто приезжал домой. Но учебный режим и дома не нарушался. Наука требует жертв! Когда бы я ни пришел к нему, его стол всегда был завален книгами, чертежами, конспектами. Усаживал он меня рядом с собой и начинал пытаться, что я читаю, много ли, хорошо ли пишу, как решаю задачи. Это ему нравилось! Расспросив обо всем, он пробовал посвятить меня в премудрости своих наук, сложных и незнакомых.

Дядя Леша не курил, не прикладывался к спиртному. Праздным я его не видел. Он был трудягой. Пришел я как-то в очередной раз к нему, и бабушка поведала мне о приключении. Оказывается, дядя со своим инструктором прилетели на гидросамолете и сели на Нижний пруд. Но сели близковато к берегу...

А день был жаркий. Много соседок пришли на пруд. Они пристроились на плотах, камнях полоскать белье. Не ожидая ничего худого, полощут, колотят вальками свои пожитки. Вдруг на берег набежала хорошая волна и смыла у теток их прополосканное достояние. Оказывается, волну разогнал самолет своими поплавами. Ах! Ох! Ругаться, ссориться? Да это же свои!.. А кудрявый-то Анны Балаболиной сын!.. Сообща выловили дрейфующие портки и становины. Ошвартовались. Посмеялись.

По окончании техникума дядю Лешу направили в боевую летную часть для стажировки и «акклиматизации». Вроде все шло и сбывалось. Но дошлые эскулапы, дотошно простукав его снаружи и внутри, нашли какой-то изъян, который ни один глаз не высмотрел, но, оказывается, он противопоказан будущему истребителю. И произнесли окончательно и прямолинейно: «Не годен!»

А вкус к учебе и знаниям уже заявил о себе, да и не хотелось, проучившись столько, возвращаться домой «с пустыми руками». Ему предложили учебу в юридической академии. Поэтому к первым залпам войны он оказался экипированным в новую отглаженную форму младшего военного юриста с блестящим ромбиком в петлице.

Нужно сказать, что от природы дядя был красив и ладен. К новенькой форме надо прибавить скрип новеньких сапог и портупеи да еще высокую корону пышных вьющихся волос, которой позавидовала бы самая взыскательная модница. И когда доводилось идти с ним рядом, к ребячьей гордости за такое соседство примешивалась зависть, что на него непроизвольно заглядывались все встречные - женщины и мужчины.

И после черного сообщения о гибели его нам казалось, что он так же торжественно и победно, улыбаясь всему живущему, ушел в пекло взрывов, в копоть, в дым, в благодарную память всех, кто его знал и видел. Наверное, о таких вот и сказал красивый поэт, стоя у роковой черты:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долбив,
Не докурив последней папиросы.

М. СТУЛИН.